
НАСЛЕДИЕ

В. М. НЕМЧИНОВ

ВОСТОКОВЕД ЛЕВ РЕЙСНЕР: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Двухсотлетие Института востоковедения РАН, а также 90-летие Льва Игоревича Рейснера (1928–1990), отмечаемые в 2018 году, дают особый повод заново оценить наши научные достижения в углубленном познании Востока. В статье на фоне отечественных востоковедных исследований второй половины XX века затрагивается один из примеров научной смелости в преодолении доктринерской односторонности в трактовке формационной теории и рассматриваются истоки независимости научной мысли в условиях господства авторитарной идеологии. Одним из таких истоков можно считать жизнь семьи ученых, которая в случае Рейснеров насчитывает как минимум пять поколений. Автор называет это «фактором долгого семейного наставничества». Другим обстоятельством выступает любовь к Востоку вообще и к Индии в частности как к предмету изучения. Не менее важным оказывается диалог внутри поколения исследователей, сложившийся в особых, можно сказать, тепличных условиях ИВ РАН. При наличии мужества и настойчивого стремления следовать своим непроторенным путем, герменевтика, присущая востоковедным исследованиям, позволяет намного дальше продвинуться в понимании многоцветной сложности мира, чем это возможно в гуманитарных дисциплинах с «монокулярной оптикой».

Ключевые слова: *Институт востоковедения РАН, гуманитарные исследования, Лев Игоревич Рейснер, семья, интеллектуальный диалог, развивающиеся страны, теории роста.*

Недавняя конференция (19–21 марта 2018 года), посвященная Отделом общих проблем девяти столетию со дня рождения Льва Рейснера, как нельзя лучше открывает этим памятным именем

*Историческая психология и социология истории 1/2018 184–195
10.30884/ipsi/2018.01.12*

цикл злободневных научных размышлений в юбилейный год двухсотлетия ИВ РАН о масштабной роли отечественного востоковедения в мировых гуманитарных исследованиях. Штрихи к портрету этого ученого даются на фоне тогдашнего общего состояния ориенталистики и кратко обрисовывают триаду «работа – творчество – дом» – главные составляющие по-настоящему состоявшейся личности: ее сложившийся профессионализм, возвращение своего таланта и роль семьи. Мне хотелось бы в начале этой публикации поделиться личным восприятием неосязаемого научного капитала, которым был буквально пропитан Институт востоковедения Академии наук СССР во второй половине XX века. Тогда в общественной жизни страны произошло удивительно удачное сочетание целого ряда объективных условий и субъективных обстоятельств. Резкий подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах после окончания Второй мировой войны открывал совершенно новые возможности для социального, политического, культурного, экономического и военного влияния социалистических стран на Востоке, знаний о котором, как оказалось, было явно недостаточно (Шаститко, Чарыева 2002: 90–91). Поэтому возглавить востоковедные исследования был поставлен очень опытный член высшего уровня политического руководства страной, к тому же сам выходец с Востока. Доверие, которым он пользовался, оказалось крайне плодотворным, ибо в отличие от жесткого идеологического контроля, свирепствовавшего в сферах других общественных наук, востоковедение, оставаясь на периферии, пользовалось серьезными послаблениями. Восточная доброжелательность Б. Г. Гафурова наряду с надеждами периода оттепели окрыляли стремление интеллектуалов и молодого поколения исследователей восстановить научную преемственность в отечественной ориенталистике.

Атмосфера заинтересованного научного диалога

Зримым воплощением глубокой академической традиции был уже сам институт, его уникальное историческое здание в Армянском переулке, в самом центре столицы, где еще в позапрошлом веке изучались восточные языки и культуры. Я отчетливо ощущал этот благородный аромат академизма, когда в 1976 году пришел на работу в ИВ АН. И вовсе не случайно директор института академик Бободжан Гафуров, сам в прошлом возглавлявший союзную республику, до последнего дня своей жизни упорно противился

передаче этого «храма» с богатой научной библиотекой и собственной типографией под обычное административное республиканское представительство, пусть и санкционированное сакральным росчерком пера первого главы Страны Советов.

В этих стенах, как говорили раньше, присутственного места жило ощущение достойной жизни, и люди, приходившие сюда на работу, совсем по-иному держали себя, сохраняли какую-то особость, отстраненность от суеты повседневной серости служебной жизни. И если уж говорить о роли чисто представительской функции, замечу, что сегодня в наш бывший особняк можно попасть только через боковую малозаметную дверь во флигеле. А тогда мы каждый раз входили в институт, поднимаясь по ступеням центральной, парадной лестницы, пройдя по выложенной брусчаткой подъездной дуге мимо лазаревского обелиска, вокруг которого цвели, тщательно ухоженные садовником, исключительные, роскошные кусты роз.

Так же бережно, как к самому зданию, к дорогой недвижимости, которой по нынешней чиновно-федеральной логике ученые сами не могут управлять, относилось руководство института и к людям, к своим востоковедам, и за каждым из тысячи сотрудников виделась штучная ценность человеческого капитала. Тогдашний неременный институтский «треугольник» реально защищал и действительно оберегал своих исследователей, бывало, попадавших под прицел бдительного ока партийно-государевых стражей (расскажу об этих знаменательных случаях в другой раз). Но нужно отметить, что даже в самые застойные времена здесь не гонялись за валом спущенной извне формально расписанной креативности, а смело жили свободным духом творческого поиска. Так, к примеру, в институтской дискуссии, проходившей еще задолго до оттепели, в ответ на замечание Вадима Солнцева, что это немарксистские взгляды, Владимир Топоров сказал: «А я не марксист». Солцев: «А какое же тогда у Вас мировоззрение?» В. Топоров: «Знаете, такое, как у первых христиан» (из личного интервью). Широту взглядов востоковедов объективно поддерживала трансдисциплинарность самого предмета исследования – Востока, в самых разных областях разворачивающегося как в глубокую древность, так и в актуальную современность. Это вызывало любопытство к смежным областям и стимулировало широкий обмен мнениями. Как говорил наш сотрудник А. М. Пятигорский, важна была сама атмосфера общения. Напористое стремление к поддержке нового и сме-

лого до дерзости не ограничивалось лишь рамками серьезного профессионального поиска.

Живоносную струю вносили институтские капустники, в которых непременно участвовали Л. Алаев, Л. Рейснер и М. Дробышев. Почему регулярное участие в этом развлечении, разработка сценария, сочинение каждый раз новых текстов, иногда в поэтической форме, были важными для Льва Рейснера? Официально допускавшееся как незначимая уступка креативному юмористичному началу, это перформативное поведение существовало, оживало, долго помнилось и возрождалось в общественном пространстве. Оно становилось особой визитной карточкой его «кусачих» авторов-исполнителей в глазах заинтересованных коллег-слушателей, валом валивших на эти представления. Востоковедам, знакомым с теорией смеховой культуры М. Бахтина и с концепцией паломничества Тэрнеров (Turner V., Turner E. 1978), было понятно, что это был ритуал, делавший его инициаторов харизматичными, а всех остальных, вместе со слушателями и одновременно персонажами, – смельчаками, преступившими порог самоцензуры и коросты наукообразия. Капустник был пространством сотворчества, и этим он как бы посвящал всех нас в члены микросообщества «коммунитас», настроенного на значимый, открытый живому пониманию диалог. Потом уже и в серьезной коллективной научной работе харизматический след творчества позволял Рейснеру привлекать ярких участников и поддерживать высокий уровень профессионализма в совместных исследованиях.

Подобные «коммунитас» возникали спорадически, когда удавалось на время выйти из привычной (за)организованной структуры общества. Но выйти куда? Выйти с помощью творчества в иную, отстраненную структуру, объединяемую нивелировкой привычных статусов, переносом всех жизненно значимых интересов в общую точку новой сборки. Лев Карсавин называл такое состояние третьей идентичностью. Нечто похожее по эмоционально-эстетическому настрою – обостренное диалогическое поле общения – выплескивалось и за институтские академические стены. Много раз, например, общественному художественному совету, в котором авторитетную роль играл Л. Делюсин, заведующий Отделом Китая, удавалось отстаивать приемку «крамольных» любимовских спектаклей в театре на Таганке. Сотрудниками Института открывались новаторские курсы востоковедения в педагогических вузах, проводились тогда еще неизвестные как понятие мастер-классы в школах

и во внешкольных образовательных заведениях, по всей стране читались всегда весьма востребованные слушателями публичные лекции.

Разумеется, такому глубоко интеллигентному нетрафаретному отношению к общественной и научной жизни способствовало взвешенное, доверительное и благожелательное отношение к поисковой научной деятельности со стороны тогдашней дирекции. Ее живой интерес к людям я нахожу ключевым. Но была еще и формально дисциплинирующая, деловая организационная атмосфера, которая делала возможным реальное осуществление межпоколенческого и внутривоколенческого профессионального диалога. При двух библиотечных днях, отведенных для индивидуальной научной работы, существовали три обязательных присутственных дня, когда все научные сотрудники собирались вместе и могли самым активным образом непосредственно общаться в рабочей обстановке. Каждый месяц, даже чаще, проходили либо регулярные общепрофессиональные научные обсуждения, открытые лекции, либо рабочие заседания отделов и секторов, где можно было услышать интересные точки зрения, серьезную аргументацию, особые мнения по спорным позициям. Сотрудники выступали с докладами, аналитическими оценками, рабочими дискуссиями. Часто приглашались делиться текущими впечатлениями недавно приехавшие из изучаемых стран специалисты. Особым интересом пользовались дискуссионные выступления интересных коллег из исследовательских институтов, занимавшихся смежной научной тематикой, в частности таких как В. В. Крылов, Б. Ф. Поршнева, М. А. Чешков, В. Л. Шейнис, А. И. Медовой и многих других.

Именно в тот плодотворный период середины 50–70-х годов особый упор делался на углубленную разработку фундаментальных проблем востоковедения по самым разным направлениям. Но при всей универсальности тематического охвата наибольшим вниманием востоковедов пользовалась сдвоенная идея линейного прогресса и модернистской устремленности в светлое будущее (я называю этот настрой научной мысли «красным смещением», которое, в частности, во многом определяло вектор интересов Льва Рейснера). Разумеется, представлялось это общественное развитие не глобалистским, а *de facto* биполярным, выразившимся в концепциях социальной справедливости и стремления к преодолению неокOLONIALИЗМА на Востоке. Под руководством С. И. Тюльпанова (Тюльпанов 1969; Тюльпанов, Шейнис 1973) общая теория разви-

вающихся стран оформилась в ленинградской школе экономистов-востоковедов, где работали такие специалисты, как Г. А. Дадашев, Г. Н. Вейц, Н. З. Волчек, В. Л. Шейнис. Московскую школу с ее новаторской теорией многоукладности постколониальных восточных обществ в Институте востоковедения неформально возглавил А. И. Левковский. В жарких спорах, в упорных баталиях были заложены ключевые блоки общей теории третьего мира. Свою лепту в формирование этих блоков активно вносил Л. И. Рейснер (1978).

В последующие годы при сохранении неограниченного веера охвата востоковедной научной проблематики исследовательские приоритеты менялись. С приходом к нам Е. М. Примакова резко возросло внимание к политически злободневным проблемам востоковедения. В активизировавшемся механизме востребованных обратных связей института с внешнеполитическими органами государственной власти усилилось внимание политического руководства страны к голосу наших ученых. Эта поддержка позволила шире развернуть изучение Востока, начиная с археологических экспедиций института в Египет, Йемен и Таджикистан и заканчивая приобретением новейшей Большой вычислительной машины для социально-экономического прогнозирования. Но работа «с колес», по горячим следам происходивших на Востоке событий, способность глубоко осмыслить актуальную тематику, предложить свои аналитические оценки руководству страны оказывалась во многом эффективной благодаря уже накопленному солидному запасу фундаментальных подходов к гуманитарному обществоведению в целом. Этому способствовала целая плеяда талантливых личностей, таких как Нодари Симония, Евгений Рожковский, Алексей Левковский, Анис Вафа, Глорий Широков, Владимир Яшкин, Георгий Ким, Леонид Васильев, Леонид Алаев, Александр Петров, Эдуард Кульпин, и десятки, а то и сотни других самобытных исследователей. В ряду многих первоклассных ориенталистов привлекала внимание и фигура Льва Игоревича Рейснера. Блестящий индолог, знаток языка, истории страны, ее экономики и культуры, он отличался особой доброжелательностью, приветливостью, неизменным вниманием и открытостью к окружающим его людям. Сочетание этих редких человеческих качеств создавало вокруг него особую мягкую ауру, которой окрашивались и способ общения, и форма подачи материала, и сам характер изложения его научных идей.

«Красное смещение»

Сегодня, когда в прошлое отошло уже несколько идеологических, политических и аналитических эпох, попытки воссоздания научной атмосферы последней трети XX века требуют некоторых пояснений. В год двухсотлетия со дня рождения Карла Маркса имеет смысл остановиться на этом несколько подробнее. Исследовательская работа Льва Рейснера завершилась незадолго до того, как марксистская теория была практически полностью выброшена из научного узуса. Ширма официального наукообразия и показной лояльности легко была вывернута на обратную сторону с прямо противоположным брендом. А в его время ни одна научная публикация не была одобрена к печати без особого библиографического зачина, шедшего вне алфавитного порядка, с несколькими подобающими случаю цитатами из классиков. Гораздо труднее было, оставаясь в парадигме приверженности эволюционной динамике общественного прогресса, приложить новаторское содержание к закоснелой форме цитатных отсылок. В Институте востоковедения это нередко удавалось, как, например, в известной «Белой книге» (Рейснер, Симония 1984). Однако это были скорее исключения, а в целом по стране большинство авторов текстов научно посредственных, но вполне приемлемых к печати, легко выполняли жесткие административные предписания, и такой цензурированный безмысленный конформизм, создавая заслон свободной мысли, был именно тем, что власти требовалось от общественных наук. Я называю подобную удушающую научный поиск схоластику «реликтовым бюрократическим излучением».

Но наряду с этим бесцветным потоком, а главное – вопреки ему, существовало бескорыстное стремление к новаторству, к живому исследовательскому осмыслению динамично меняющейся картины мира, к анализу исторических противоречий мирового общественного развития. Этим стремлением жило постепенно таявшее поколение оттепели, вдохновленное официальным жестом десталинизации середины 50-х годов, – поколение, посвятившее себя очищению своего мышления от догматического советского наследия редуccionистских интерпретаций Марксовой теории, ярким представителем которого был Лев Рейснер. Я называю «красным смещением» особые представления об историческом прогрессе этой небольшой, но выдающейся группы исследователей.

Они считали Марксов социальный анализ четкой научной системой, применимой к обоснованию линейного поступательного развития человечества, к объяснению систем воспроизводства, сложившихся в современном капиталистическом мире, к пониманию динамики его кризисов и к формационной концепции исторического прогресса. Американский теоретик истории Х. Уайт отмечал: «Сам Маркс представляет собой наиболее упорное стремление XIX века превратить историческое исследование в науку. Более того, его усилия проанализировать отношения между историческим сознанием, с одной стороны, и реальными формами исторического существования – с другой, были самыми последовательными. В его работах теория и практика исторической рефлексии тесно связаны с теорией и практикой общества, в котором они возникли. Больше, чем любой другой мыслитель, Маркс был чувствителен к идеологическому подтексту любой концепции истории, которая претендовала на статус “реалистического” видения мира» (Уайт 2002: 60). Как востоковед-экономист Рейснер и его коллег интересовала специфика развития Востока на нескольких уровнях. На уровне базиса рассматривалась простая линейная смена способов производства с долгими задержками, относимыми на счет внешних силовых факторов. На уровне социума вырабатывались представления о преодолении или консервации человеческого отчуждения в многоукладных обществах гидравлического типа. Остро ставились задачи бегства от массовой нищеты, голода и болезней в странах третьего мира, вопросы деколонизации и противодействия неокOLONIALИЗМУ, проблемы догоняющего развития, государственного производства и планирования, выбора социального пути независимого национального становления.

Почему такая драматичная картина мира оказывалась очень удобной именно для социально-прогрессистского описания длинной динамики взаимодействия всех «трех миров», поясняет Хейден Уайт. Он отмечал, что «философия истории Маркса содержит в себе и *синхронический* анализ базовой структуры взаимоотношений, которая остается постоянной на протяжении всей истории, и *диахронический* анализ существенного движения, посредством которого эта структура преодолевается и устанавливается новый способ отношения человека к человеку. А это предполагает, по Марксу, что сюжет истории должен быть выстроен одновременно двумя способами: как Трагедия и как Комедия. И хотя человек *живет* Трагически, поскольку его попытки создания жизнеспособного

человеческого сообщества постоянно оказываются неудачными из-за законов, которые управляют историей, в то время как он остается в общественном положении, человек также живет и Комически, поскольку взаимодействие человека и общества движет человека по возрастающей к состоянию, при котором само общество будет распущено и будет создано истинное сообщество – коммунистический способ существования – как истинная историческая судьба человека» (Уайт 2002: 331).

Семейная история

Мы снова возвращаемся к основополагающей личностной триаде «семья – дом – работа», рисуя интеллектуальный портрет востоковеда Льва Рейснера, теперь уже в формате его семьи. Те семьи, где царят согласие и любовь, дарят миру достойных граждан, способных ценить самих себя и других. В противном случае человеку навязывается смена гражданских приоритетов и личность, лишенная своих корней, превращается в единицу, легко мобилизуемую для любых нужд государственного строительства. Революционная духовная ломка человека должна была сопровождаться беспамятным отказом от своего фамильного родства и физическим уничтожением материальной составляющей семьи – ее родового гнезда. Князь Сергей Волконский говорил: «Насилие может всякую дверь прошибить, но оно и разрушает тот дом, в который входит. Теорий этих людей относительно искусства я никогда не мог понять. “Пролетарское искусство” мне так же непонятно, как “пролетарская наука”, вообще как “пролетарская культура”. Что значит “пролетарская музыка” или “пролетарская геометрия”, для меня темно» (Волконский 2004: 319). Этой цели устранения «старого человека» служил и пресловутый «квартирный вопрос» эпохи раннего социализма, подменивший понятие своего дома на свой угол в общем пространстве коммунальной жилплощади. Избежать той печальной участи удавалось лишь очень немногим родовым гнездам.

Семье Рейснеров повезло. Знаменитое по «Оптимистической трагедии» имя Ларисы Рейснер, родной сестры Игоря Рейснера, сохранило их дом от поругания. И это укрепляло в них столь ценное и редкое чувство интеллигентного достоинства. Все мы знаем, что семьи бывают счастливые и несчастливые. Последние с трансперсональной точки зрения образуются, когда образ мира кого-то из ее членов трагически сталкивается с несовпадающей картиной

мира, изначально присущей данной семье. Общеобязательное в нашей стране при устройстве на работу или учебу анкетное выяснение семейно-социального происхождения десятилетиями жестко предопределяло статус в общественной иерархии всех граждан по классово-национальному принципу, беспощадно разделяло людей на «правильных» и «неправильных».

Льву Рейснеру выпало нелегкое счастье родиться в семье востоковедов с громко звучащей фамилией, и всю свою жизнь он сознательно выстраивал так, чтобы не только не уронить чести своей фамилии, но и в своем научном творчестве и личном общении сохранить хронотоп большой семьи. В его поведении было, пожалуй, две важных составляющих. Одна из них проявлялась в том, что жившие какое-то время за рубежом (не по командировкам, а вследствие поворотов судьбы) несли на себе явственно ощутимую в самых незначительных мелочах особую печать. Этим в нашем институте выделялись из общего ряда и Юрий Николаевич Рерих, и Юрий Николаевич Завадовский. За элитарностью этих ученых стояло не высокомерие, а открытость, изначально доброжелательность, неподкупная человеческая искренность и бескорыстное дружелюбие. Позволяя себе дерзость в собственном творчестве, Лев Рейснер проявлял тонкость, одобряя работу других, был иронично-щадыщим в критике и постоянно подталкивал коллег идти дальше. Многие из них могут с гордостью назвать себя его духовными учениками, хотя прямых учеников у него было до обидного мало. Правда, когда дело касалось оценки профессионализма, он жестко говорил, что работа некондиционная, и не боялся открыто высказывать правду даже во вред себе, как это было, например, при М. С. Капице, когда Рейснер публично на общем собрании Института категорически выступил против предложения дирекции избирать Ученый совет списком.

Другой его характерной особенностью была интеллигентная нежность в отношениях с людьми и гипертрофированная скромность в том, что сегодня можно по-казенному назвать «позиционирование себя». Он совершенно не стремился выйти на первый план, часто говорил о себе: «Я тенелюбивое растение» и даже, не соглашаясь с мнением своих оппонентов, оставляя всякую безапелляционность, в конце выступления добавлял: «А может быть, вы в чем-то и правы». Остро ощущая жестокость своего времени, Лев Игоревич, как и многие другие, не мог абстрагироваться от его гнета. Но там, где людей с крепкими нервами мог увести от мира

квазиреальности спасительный алкоголь, ему приходилось расплачиваться тягостным молчанием и нервным перенапряжением. «Я мрачнюга», – бывало, говорил он о себе в таких случаях.

По словам его дочери – востоковеда Марины Рейснер, – сам он мало говорил о семейных корнях и даже о своем отце, которого она не знала. Для него важнее был непринужденный, повседневный творческий диалог с ней, со своей сокурсницей-женой, тоже востоковедом, а потом и с внуком Андреем Куделиным, также ставшим востоковедом. О семейном духе, формирующем свободную, честную, творческую личность, очень хорошо сказал создатель и первый руководитель крупнейшей отечественной поисковой системы «Яндекс». «Я вырос в семье отличников. Мама – золотая медалистка, папа – золотой медалист, сестра – золотая медалистка, я золотой медалист, – рассказывает Илья Сегалович. – У нас была такая семейная семья. В квартире всегда чисто, еда приготовлена, уроки проверены, каждый занят своим делом, и все знали, чего хотят. <...> Но в целом это была такая очень выстроенная жизнь, с четким пониманием, что такое правильно. Главная установка была такая – не врать. И это был не только принцип интеллигентного человека. Моя бабушка по маминой линии священнического рода, ее предки вплоть до начала XIX века все служили в храме. И оттуда тянулись ниточки вот этой праведной жизни. Я знал, что хорошо, а что нет. Я всегда знал, как правильно» (Соколов-Митрич 2014: 10). Механизм домашнего воспитания строится на регулярном, всегда в нужные моменты личностного выбора доступном диалогическом общении со своим-Другим. «Я как твой Другой». Об этом Лев Рейснер так сказал своей дочери Марине: «Любой человек живет, опираясь как на свой опыт, так и на опыт других. Свой опыт лучше во всех отношениях, кроме одного: он достается, как правило, наиболее дорогой ценой, тогда как опыт других людей, в известном смысле, достается тебе даром. В некотором роде я в данном случае другой человек, хотя и твой отец, который хотел бы тебе что-то передать, пока мозги еще работают четко. Самое важное в жизни – это отношения с другими людьми» (Рейснер 1974). Именно в этой близкой сердцу открытой домашней среде происходит сущностное возрастание постигаемых смыслов. Вот почему так нужен этот взаимообогащающий разговор с интересным тебе собеседником, где происходит самовозрастание личности. Так было у Левы с его востоковедом-отцом, профессором Игорем Михайловичем, а у того – с его отцом, профессором права Михаилом Алек-

сандровичем Рейснером. Конкретная специализация у каждого из членов этой семьи была разной, но общим оставалось главное – живое любопытство и неподдельный интерес к Востоку, та живая семейная ролевая скользящая шкала «сын – отец – дед», которая посредством огромной духовной работы лежит в основе всякой жизнеспособной семейной династии.

Литература

Волконский, С. М. 2004. *Мои воспоминания*. Т. 2. *Родина. Быт и бытие*. М.: Захаров.

Рейснер, Л. И.

1974. *Вместо завещания*. Рукопись.

1978. *Возможен ли переход от уклада к капиталистическому способу производства?* (О пределах капиталистической трансформации освободившихся стран.) *Азия и Африка сегодня* 11: 29–32.

Рейснер, Л. И., Симония, Н. А. (отв. ред.) 1984. *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного*. М.: Наука.

Соколов-Митрич, Д. В. 2014. *Яндекс. Книга*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Тюльпанов, С. И. 1969. *Очерки политической экономики (развивающиеся страны)*. М.: Мысль.

Тюльпанов, С. И., Шейнис, В. Л. 1973. *Актуальные проблемы политической экономики современного капитализма*. Л.: Изд-во ЛГУ.

Уайт, Х. 2002. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.

Шаститко, П. М., Чарьева, Н. К. 2002. Как закрывали Московский институт востоковедения. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 6: 90–91.

Turner, V., Turner, E. 1978. *Image and Pilgrimage in Christian Culture*. New York: Columbia University Press.